

К-89
263591

П. С. КУЗНЕЦОВ

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ
КЛАССИФИКАЦИЯ
ЯЗЫКОВ

Издательство
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1954

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

КАФЕДРА ОБЩЕГО И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова поставила своей задачей выпустить серию брошюр по основным вопросам языкознания. Это решение продиктовано тем обстоятельством, что в настоящее время советские вузы еще не располагают всеми необходимыми пособиями по общезыковедческим курсам, построенным на основе марксистско-ленинского учения о языке, тогда как потребность в такого рода пособиях огромна.

Настоящая серия, в создании которой принимают участие не только работники кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, но и работники других языковедческих кафедр Филологического факультета университета, также не представляет собой систематического изложения курса «Введение в языкознание» или курса «Общее языкознание». Серия будет содержать только материалы по общезыковедческим курсам и в отдельных своих выпусках может быть использована как студентами при изучении названных курсов, так и преподавателями для подготовки к лекциям по отдельным разделам этих курсов.

Данная серия — коллективный труд. Поэтому в изложении отдельных проблем языкознания и в особенности таких, которые не получили еще в советской науке о языке сколько-нибудь однозначного решения, неизбежно находят отражение особенности индивидуальной трактовки этих вопросов, различия в

широте охвата материала, самостоятельности его освещения и стиле изложения. Однако все эти различия не носят такого характера, чтобы приводить к противоречиям. Они также ни в коем случае не выходят за пределы того истолкования, которое эти проблемы получают в советской науке о языке.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Все языки мира могут быть классифицированы в двояком отношении: во-первых, по степени их родства — это так называемая генеалогическая классификация; во-вторых, по характеру их строя независимо от того, в какой мере связываются рассматриваемые языки узлами родства. Подобны друг другу по строю могут быть как родственные языки, т. е. языки, развившиеся из некоторого единого языка-основы, так и языки совершенно неродственные.

При классификации языков по их структуре могут быть приняты во внимание различные стороны языка: и фонетика, и словарный состав, и грамматический строй. Так, например, в фонетическом отношении языки можно было бы подразделить на различные типы по характеру ударения (в одних языках — монотоническое, характеризующееся лишь местом в слове, в других — политоническое, т. е. характеризующееся не только местом, но и качеством, т. е. движением голосового тона, в третьих — вообще нет ударения в собственном смысле слова, а есть лишь тон, характеризующий каждый слог; в одних языках ударение разноместное, в других постоянное, закрепленное за определенным слогом в слове, в третьих — вообще свободное, не связанное с определенным местом). В лексическом отношении языки можно было бы классифицировать, например, по характеру синонимов и их отношений, по характеру способов образования новых слов в языке и т. п. Но наибольшее значение имеет и с давних времен наиболее тщательно поэтому разрабатывалась классификация языков по их грамматическому строю, так как грамматический строй языка и основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики.

Основными разделами грамматики являются морфология и синтаксис. Поэтому при классификации языков по специфиче-

ским особенностям их грамматического строя могут быть приняты во внимание — и действительно принимались при построении этой классификации — как морфологические, так и синтаксические признаки. Но в силу самой специфики взаимоотношений морфологии и синтаксиса особое значение получила и в наибольшей степени разработана морфологическая классификация, т. е. классификация языков по их морфологическим особенностям: ведь изменения слов, являющиеся объектом изучения морфологии и составляющие морфологическую сторону языка, служат для выражения определенных синтаксических отношений. Так, падежи существительных служат для выражения отношений данного существительного к другим словам в предложении (точнее — в словосочетании), времена глаголов служат для выражения отношения к моменту речи — отношения, устанавливаемого в предложении между подлежащим и сказуемым, и т. д. В морфологии всё синтаксично по своему значению, кроме словообразования, принадлежность которого к морфологии некоторыми лингвистами оспаривается. Вследствие этого классификация языков по синтаксическим признакам никогда не выступает сама по себе, но всегда опирается на классификацию по морфологическим признакам. По тем же синтаксическим особенностям, которые с морфологией не связаны, классифицировать языки очень трудно и даже невозможно.

Первые попытки классифицировать языки по их морфологической структуре относятся к началу XIX в. Так, известный филолог-романтик Фридрих Шлегель в своей книге «О языке и мудрости индийцев»¹ выделил флективные языки, характеризующиеся внутренней флексией (т. е. изменением звукового состава морфем и в первую очередь корней, независимым от фонетических условий) и тесной спайкой различных значимых частей слова, и противопоставил их, как более совершенные, всем другим языкам.

В качестве наиболее яркого представителя флективных языков у него выступает священный язык древней Индии — санскрит, который у лингвистов начала XIX века считался наиболее архаическим языком недавно установленной индоевропейской семьи языков.

Десятью годами позднее брат Фридриха, Август Шлегель, в своих «Заметках о провансальском языке и литературе» предложил деление всех языков на три основных типа —

1) языки без какой бы то ни было грамматической структуры, т. е. такие, где слова неизменяемы, а отношения между

¹ F. Schlegel. Ueber die Sprache und Weisheit der Indier, Heidelberg, 1808.

словами в предложении могут выражаться лишь порядком слов;

2) языки с аффиксами, т. е. такие, где отношения между словами могут выражаться посредством аффиксов;

3) языки флективные, т. е. такие, где, помимо аффиксов, есть и внутренняя флексия.

Последние языки он, уже по синтаксическому принципу, подразделяет на синтетические и аналитические (синтетические языки — это такие, где отношения между словами выражаются с помощью форм самих слов, а аналитические — такие, где отношения между словами выражаются посредством служебных слов и порядка слов). Деление это, хотя и опирается на определенный синтаксический признак, тесно связано с определенными особенностями морфологической структуры языка, потому что так называемые синтетические языки обязательно располагают падежами, а языки аналитические (в чистом виде) их не имеют, падеж же представляет собой определенную морфологическую категорию (подробнее об этом см. ниже).

Следующий этап в разработке воззрений на морфологическую классификацию языков представляют труды выдающегося немецкого лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта. Знаток огромного количества языков, принадлежащих к самым разнообразным семьям и типам, он стремился вскрыть общие закономерности языкового развития. Он же построил и новую классификацию языков по их морфологическому строю, причем принял три типа, установленные А. Шлегелем, назвав языки первого из этих типов *и з о л и р у ю щ и м и*; второго, т. е. характеризующегося аффиксами, не тесно связанными между собой и с корнем, — *а г г л ю т и н и р у ю щ и м и*, т. е. «склеивающими» (от лат. *agglutinare* — «склеивать»); третьего (т. е. характеризующиеся тесной спайкой аффиксов между собой и с корнем и внутренней флексией) — *ф л е к т и р у ю щ и м и*, т. е. «склоняющими» или «сгибающими». К этим трем типам он добавил четвертый тип, к которому относятся *и н к о р п о р и р у ю щ и е* языки, т. е. «вчленяющие». Особенностью этих языков, к которым относятся некоторые языки североамериканских индейцев, а также некоторые языки крайнего северо-востока Сибири, например чукотский (луораветланский), является то, что в соответствии с нашими различными второстепенными членами предложения, зависящими от глагола-сказуемого (дополнениями, обстоятельствами), там употребляются аффиксы, входящие в состав глагольного сказуемого (подробнее см. ниже). Свою классификацию В. Гумбольдт изложил в 1822 г. в работе «О происхождении грамматических форм и их влиянии на развитие идей» и позднее в своем получившем наиболее широкую

известность обширном труде — «О языке Кави на острове Яве»¹ (опубликован был уже после смерти его автора).

Деление на четыре типа было воспринято не всеми последующими лингвистами. Наиболее выдающийся немецкий лингвист середины XIX в. А. Шлейхер вернулся к трехчленному делению А. Шлегеля, подвергнув его дальнейшей детализации². Подобно Шлегелю, он принимает также деление на синтетические и аналитические языки, но не включает в классификацию языки инкорпорирующие. Подразделение на синтетические и аналитические языки Шлейхер распространяет как на флектирующие (или флективные), так и на агглютинирующие языки. Изображая посредством *A* корень, посредством *A*¹ служебное слово и посредством *a* формальное изменение слова (при этом как аффикс, так и внутреннюю флексию), Шлейхер дает следующую схему грамматической структуры основных типов и их подразделений:

1. И з о л и р у ю щ и й строй:

A — чистый корень

A + *A*¹ — корневое слово + служебное слово

(в качестве примера изолирующих языков он приводит древнекитайский, бирманский языки)

2. А г г л ю т и н и р у ю щ и й строй:

Aa — корень + суффикс

*A*_{*a*} — корень + инфикс

aA — корень + префикс

} синтетический строй

(в качестве примера *Aa* приводятся тюркские, монгольские, финно-угорские языки, *A*_{*a*} и *aA* — тушский, т. е. бацбийский язык на Кавказе)

Aa(aA) + *A*¹ — аналитический строй

(в качестве примера — тибетский язык)

3. Ф л е к т и в н ы й строй:

A^{*a*} — чистая внутренняя флексия

aA^{*a*} (*A*^{*a*} *a*) — внутренняя и внешняя флексия

} синтетический строй

(семитские и древние индоевропейские языки)

aA^{*a*} + *A*¹ — аналитический строй

(новые индоевропейские языки — франц., англ. и др.).

¹ «Ueber die Kawisprache auf der Insel Iawa», 3 тт., 1836—1840; классификация изложена во введении к этому труду «Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts»; русск. перевод П. С. Билярского — «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода», СПб., 1859.

² См. А. Schleicher. Compendium der Vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, 1861—1862.

Приблизительно в то же время и также исходя из общих идей Гумбольдта разрабатывает свою, несколько отличную от гумбольдтовской классификацию Г. Штейнталь¹. Он подразделяет все языки на два основных типа — языки без формы и языки с формой. При этом под формой он понимает не только форму слова, но и форму предложения, вследствие чего к языкам с формой могут относиться и такие языки, в которых слова не изменяются. Каждый из этих основных типов подразделяется на два подтипа: языки присоединяющие и языки видоизменяющие (имеется в виду видоизменение слов, т. е. наличие у слов формы в нашем смысле слова). К языкам присоединяющим без формы относятся языки Индо-Китая, к языкам присоединяющим с формой — китайский язык. Языки видоизменяющие в составе каждого из типов подразделяются в свою очередь на три разновидности. В составе языков видоизменяющих без формы имеются: 1) видоизменяющие посредством удвоения и префиксов — языки Полинезии; 2) посредством суффиксов — урало-алтайские (т. е. тюркские, монгольские, угро-финские); 3) посредством инкорпорации — американские языки. В составе языков с формой видоизменяющих имеются 1) видоизменяющие посредством прибавления элементов — египетский язык; 2) посредством внутренней флексии — семитские языки; 3) посредством истинных суффиксов — индоевропейские языки.

Классификация Штейнтала уже в 90-х гг. была переработана Фр. Мистели². Он также подразделяет языки на бесформенные и формальные (т. е. имеющие форму). Однако подразделение их несколько отличается от подразделения Штейнтала. Вместе с тем, принимая во внимание отношения слова к предложению (причем в качестве центра предложения выступает глагол), а также структуру слова, Мистели строит перекрещивающееся с подразделением на бесформенные и формальные языки подразделение на языки бессловные (*nichtwortig*), мнимословные (*scheinwortig*) и истословные (т. е. языки с настоящими словами, *echtwortig*). Особо выделяются инкорпорирующие языки, характеризующиеся словами-предложениями, где слово и предложение не разграничены. При этом к формальным истословным языкам относятся лишь языки флектирующие, т. е. семитские и индоевропейские, так как именно в этих языках тесно связаны различные элементы, образующие слово, а глагол, образующий центр предложения, содержит

¹ См. H. Steinthal. Die Klassifikation der Sprachen, dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee, Berlin, 1850; Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues, Berlin, 1860.

² Fr. Misteli. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues, 1893.

материальный корень и аффикс, дающий общее указание на субъект. Агглютинирующие языки, где элементы, составляющие слово, связаны не тесно, Мистели относит к бесформенным мнимословным. К бесформенным же языкам относит он, подобно Штейнталю, и инкорпорирующие. Среди формальных бессловных языков Мистели различает изолирующие и присоединяющие. К последним он относит египетский (как и Штейнталь), а также языки банту. Среди изолирующих, принимая во внимание не только наличие словоизменения, но и наличие словообразования, он различает корнеизолирующие (т. е. не имеющие словообразовательных аффиксов) и основоизолирующие (т. е. такие, где отношения слова к другим словам в предложении в структуре слова не выражены, но слова не являются всегда корнями, а имеются словообразовательные аффиксы). К корнеизолирующим языкам относятся китайский язык, а также языки Индо-Китая (в отличие от Штейнталья, Мистели включает их, хотя и относя в особый тип, в то же подразделение, что и китайский язык). К основоизолирующим языкам относится, например, малайский.

Подобно Гумбольдту и Шлейхеру, у Штейнталья и Мистели высшую точку также образуют индоевропейские языки (в пределах формальных истословных языков различаются как особые типы семитский и индоевропейский). Именно эти языки характеризуются как бы идеальной грамматической структурой. Это положение, конечно, для нас является неприемлемым.

Выдающийся русский лингвист акад. Ф. Ф. Fortunatov на грани XIX и XX вв. возвращается к системе классификации В. Гумбольдта, дополнив ее одним типом, занимающим промежуточное положение между агглютинативным и флективным типом. Он называет этот тип флективно-агглютинативным и относит к нему семитские языки, которые прежние исследователи безоговорочно относили к флективным, но которые характеризуются существенными отличиями в грамматическом строе от индоевропейских языков, являющихся основным представителем собственно флективного типа¹.

Из позднейших классификационных систем, относящихся уже к XX веку, укажем лишь систему немецкого лингвиста Фр. Н. Финка² и американского лингвиста Э. Сепира³.

Финк рассматривает языки с точки зрения, как он выражается, степени «массивности» или «фрагментарности» их

¹ Ф. Ф. Fortunatov. Сравнительное языковедение (литогр.), 1900.

² Fr. N. Fink. Die Strukturtypen des Sprachbaues, Leipzig, 1909 (2 изд.— 1923).

³ E. Sapir. Language (2 изд.— 1921); русск. перевод: Э. Сепир. Язык, М., 1934.

структуры. Под массивностью он понимает выражение самого разного рода отношений в структуре одного слова. В наиболее полном виде она осуществляется в таких языках, которые Гумбольдт называл инкорпорирующими (Финк в качестве примера берет гренландский язык). Под фрагментарностью он понимает выражение различных отношений в отдельных словах (частью служебных).

Вместе с тем Финк обращает внимание на степень согласования различных членов предложения. Так, например, среди языков, обычно называемых агглютинирующими (или, как теперь более принято, агглютинативными), мы находим, с одной стороны, такие, как тюркские, а с другой — такие, как банту (в Южной Африке). В тюркских языках возможно лишь согласование в числе (единственном, множественном), и то лишь между существительным (или местоимением) и глаголом (прилагательные там выступают в неизменяемой форме и не согласуются с существительным даже в числе). В банту же все существительные подразделяются на определенное количество классов (различное в разных языках), причем с каждым классом по-своему согласуются слова, зависящие от существительного в предложении (прилагательные, местоимения, числительные, глаголы — кроме наречий). Согласование осуществляется посредством префиксов (приставок) — каждый класс имеет свои префиксы для ед. и мн. ч., притом иногда различные для имени и глагола. Ср., например, *m-tu m-kubwa a-na-kwenda* — «большой человек идет»; *wa-tu wa-kubwa wa-na-kwenda* — «большие люди идут»; *m-safara m-kubwa u-na-kwenda* — «большой караван идет»; *mi-safara mi-kubwa i-na-kwenda* — «большие караваны идут» (пример взят из языка суахили, наиболее распространенного среди языков банту). Вследствие этого Финк помещает турецкий язык (взятый в качестве примера таких языков, как тюркские) и субия (как представитель языков типа банту) в различные типы.

Также в качестве представителя особого типа, который он называет группо-флектирующим, выделяет Финк грузинский язык на основании особого характера зависимости между членами предложения, выражающегося в структуре слова. В грузинском языке действующее лицо выражается различными падежами в зависимости от того, в каком времени стоит глагол, являющийся сказуемым предложения.

На основании указанных выше принципов Финк выделяет восемь типов. В качестве примера он приводит по одному языку — представителю каждого типа, структуру которого он рассматривает. Эти восемь типов представляют 1) китайский язык, 2) гренландский, 3) субия (один из языков банту — на

верхней Замбези в Южной Африке), 4) турецкий, 5) самоанский (один из полинезийских языков), 6) арабский, 7) греческий, 8) грузинский.

Э. Сепир приходит к положению о невозможности классификации языков с одной какой-либо точки зрения и принимает несколько оснований для классификации, причем каждый из языков должен быть определен с точки зрения каждого из этих оснований. Одним из этих оснований является «техника» (как выражается Сепир) объединения значимых частей (морфем) в слове, т. е. степень их спайки (большая или меньшая теснота объединения), возможность или невозможность (и разная степень ее) «символизации» (так называет Сепир выражение различных значений посредством изменения звукового состава морфемы, т. е. внутреннюю флексию или чередование) — последняя (т. е. «символизация») могла бы быть выделена, по Сепиру, и в качестве особого основания. Вторым основанием является степень синтеза, т. е. степень выражения в структуре одного слова различных значений. С этой точки зрения, языки подразделяются на аналитические, синтетические и полисинтетические (так больше принято в современном языкознании называть те языки, которые Гумбольдт называл инкорпорирующими). Третьим основанием является — какие «грамматические понятия» (по выражению Сепира) могут быть выражены в структуре одного слова. Под «грамматическими понятиями» он понимает различного рода отношения, выражаемые в языке. На основе всех этих принципов Сепир устанавливает 21 тип языков. Впрочем, как он сам указывает, его классификация может быть как подвергнута дальнейшей детализации, так и упрощена.

В советском языкознании новые попытки классификации языков по их грамматическому строю предпринимали лишь Н. Я. Марр и его ученики; опираясь при этом на методологически порочное понимание языка как надстройки; о них нам придется еще говорить впоследствии, и здесь мы их касаться не будем.

Многообразие классификаций, различие принципов, на которых эти классификации строились, невозможность избежать (при любой классификации) языков такой структуры, которая точно не укладывается в рамки установленных типов, приводят некоторых зарубежных лингвистов последнего времени к скептическому отношению к морфологической классификации и даже к полному отказу от нее. Так, выдающийся французский лингвист А. Мейе, умерший за несколько лет перед второй мировой войной, считал подлинно научной лишь классификацию генеалогическую, морфологическую же классификацию вообще отвергал.

Но такая нигилистическая по отношению к морфологической классификации точка зрения никоим образом не может быть принята. Морфологическая классификация, при всех недостатках ее разработки, позволяет уяснить основные особенности морфологической структуры различных языков; наличие же языков, занимающих по своей структуре промежуточное положение между различными типами, никоим образом не может служить мотивом к отказу от классификации: в любой классификации определяются основные, если можно так выразиться, — идеальные типы, между которыми может существовать большое количество различных переходов.

За основу классификации принимается характер морфем в составе слова и характер их объединения в слове. Значения обобщенного характера, выражающиеся в формах слов и являющиеся объектом изучения грамматики, учитываются лишь в той мере, в какой различия в их выражении существенны для различия связи и взаимоотношений морфем в слове. Принятие во внимание различного рода грамматических значений, выражаемых структурными средствами одного слова, невозможно уже потому, что все многообразие этих значений в различных языках еще в достаточной мере не изучено. Возможно, классификацию с учетом всех этих структурно оформленных значений и удастся построить в дальнейшем, но пока, несмотря на большое количество вновь предложенных систем, мы вынуждены придерживаться рамок наиболее принятой до настоящего времени классификации.

Наиболее принятой до настоящего времени является классификация, разработанная еще в начале XIX в. А. Шлегелем, затем дополненная и видоизмененная В. Гумбольдтом (с некоторыми уточнениями и в свою очередь видоизменениями). Согласно этой классификации все языки мира подразделяются прежде всего на четыре основных типа: *изолирующий* или *аморфный*; *агглютинативный* (этот термин в настоящее время, как уже сказано, более принят, чем *агглютинированный*), *флективный* и *полисинтетический* (этот термин в настоящее время более принят, чем *инкорпорирующий*). Флективные языки подразделяются на флективно-синтетические и флективно-аналитические.

Изолирующий или *аморфный* тип (т. е. «бесформенный», от греч. α — отрицание + μορφή — форма) характеризуется неизменяемостью слов и тем, что отношения между словами выражаются лишь порядком их в предложении. Понятия «изолирующий» и «аморфный» совпадают только частично. Изолирующие языки названы так потому, что формы самих слов не указывают на отношения между словами в предложении, все слова (по своей форме) не зависят друг от друга, они

как бы «изолированы» друг от друга в предложении. Но сами слова в одних языках могут состоять только из корня, в других же языках могут иметь словообразовательные аффиксы. На этом основании, как уже было сказано выше, Мистели разграничивал корнеизолирующие и основоизолирующие языки. Словообразование некоторые лингвисты не включают в грамматику (и, следовательно, в морфологию), а относят к лексикологии, поскольку словообразовательные средства используются для образования новых слов. Но поскольку для образования новых слов часто используются те же средства, что и для выражения отношений между словами в предложении, а часто даже одни и те же структурные средства служат одновременно и для образования новых слов и для выражения различного рода отношений, постольку при морфологической классификации языков, опирающейся в первую очередь на взаимоотношения морфем в слове, с полным основанием должны учитываться и средства словообразования.

Термин **а м о р ф н ы й** в строгом смысле слова может быть отнесен лишь к так называемым **к о р н е и з о л и р у ю щ и м** языкам, поскольку они в полном смысле лишены формы слова, в них нет не только форм словоизменения, но и форм словообразования, предложение же представляет собой последовательность неизменяемых корней, границы которых совпадают с границами слов. Новые понятия в этих языках могут быть выражены лишь сочетанием уже имеющихся корней. Для связи слов в предложении, помимо порядка слов, могут быть использованы также слова-корни, теряющие в соответствующем контексте свое основное значение и приобретающие значение служебного слова — предлога или союза. Частей речи в этих языках нет. Слова, обозначающие предметы, свойства, действия и т. д., друг от друга по структуре ничем не отличаются (ведь все они выражаются неизменяемыми корнями) и даже одно и то же слово иногда в зависимости от контекста может обозначать и предмет, и свойство, и действие.

Неизвестен ни один язык в мире как среди существующих ныне, так и среди известных по письменным памятникам, который полностью был бы аморфным в соответствии с указанными выше признаками этого типа. Но имеются языки, достаточно близкие к аморфному типу. К ним относится, например, китайский язык (собственно древнекитайский язык классической литературы, так как современный китайский дальше отстоит от этого состояния, хотя и в нем можно найти элементы, близкие к аморфному типу), едва ли не в большей степени вьетнамский (аннамский) язык в Индо-Китае, некоторые языки коренного населения Западной Африки.

Для иллюстрации можно взять следующее китайское пред-

ложение, которое построено по нормам аморфного типа: *ча во бу хэ* (не обозначаем музыкального тона, характерного для каждого слова китайского языка, поскольку в данном случае оно не имеет для нас значения). Это предложение состоит из четырех слов, каждое из которых является корнем в чистом виде, без каких-либо дополнительных элементов. По-русски оно переводится «чая я не пью», но буквально его следовало бы перевести «чай я нет пить», так как *ча* обозначает просто «чай» и отношение к другим словам в нем никак не выражено, *во* обозначает «я», *бу* соответствует по значению не только нашей отрицательной частице «не», но и самостоятельному отрицанию «нет», *хэ* обозначает «пить» и здесь опять-таки нет формального указания на лицо или время.

В китайском языке одно и то же слово может обозначать (как это бывает, согласно сказанному выше, в аморфных языках) и действие, и предмет. Так, например, слово *мо* в зависимости от контекста обозначает и «молоть», и «жернов» (т. е. предмет, при помощи которого мелют). Широко развито выражение новых понятий посредством сочетания корней. Ср., например, *шуй-фу* — «водонос» от *шуй* — «вода» + *фу* — «нести».

Но в китайском языке далеко не все предложения строятся так, как приведенное выше, и далеко не все слова представляют собой чистые корни. Многие некогда самостоятельные слова утратили свое основное лексическое значение и стали так называемыми «пустыми» словами (этот термин употребляет китайская грамматика) и употребляются частью как словообразовательные суффиксы, частью как формальные показатели отношений между словами, соответствуя по значению частью нашим падежным окончаниям, частью суффиксам, указывающим на время глагола, и т. п. Так, например, *ды*, присоединяясь к различным словам, обозначает принадлежность, место, а также имеет и некоторые другие значения. Ср. *во* — «я», *во-ды* — «мой» (т. е. «принадлежащий мне»), *гун-жэнь* — «рабочий» (отдельно *жэнь* обозначает «человек»), *гун-жэнь-ды* — «принадлежащий рабочему», *лай* — «приходить», *лай-ды* — «тот (человек), который приходит» и «то (место), куда приходят», например: *лай-ды жэнь* — «приходящий человек», *лай-ды ди-фан* — «место, куда приходят». Если настоящее время обозначается чистым названием соответствующего действия (как в приведенном выше примере), то прошедшее время обозначается особой частицей (*ла*). Ср. *во* — «я», *шо* — «говорить», *во-шо-ла* — «я говорил», «я сказал».

Некоторые лингвисты считают неудачным термин *аморфный* в применении к рассматриваемому типу языка на том основании, что вообще нет языков, лишенных формы. В данном случае речь идет не об отсутствии формы вообще (поскольку

могут существовать и формы словосочетания и предложения), а об отсутствии формы отдельного слова. Лингвисты, отрицающие правомерность понятия аморфных языков, считают, что не может быть и таких языков, у которых нет формы отдельного слова. Эти лингвисты считают, что возможна форма слова, внешне никак не выраженная, с чем, конечно, нельзя согласиться. В действительности же мы вправе считать языки, где слова формально (внешне) никак не изменяются, не имеющими грамматической формы слова, вследствие чего термин аморфные языки является вполне законным.

Существуют, как уже сказано, языки изолирующие, но не аморфные, в которых имеются формы словообразования, но нет форм словоизменения, отношения же между словами в предложении выражаются, как и в китайском, посредством порядка слов и служебных слов. К таким языкам относится, например, малайский; а также другие языки малайско-полинезийской семьи. Ср., например, малайск. *roemah* — «дом, *be-roemah* — «жить, проживать» (приставка *be-* служит для образования слов со значением действия или состояния от слов со значением предмета); *saja ada di roemah* — «я (есмы) дома» (буквально «в доме» — предлог *di* обозначает место); *saja be-roemah di kota* — «я живу в городе».

Агглютинативный тип характеризуется наличием аффиксов как словообразовательного, так и словоизменительного характера, т. е. как служащих для образования новых слов, так и служащих для выражения отношений различного рода, но при этом связь между морфемами (корнем, аффиксами) в слове менее тесная, чем в языках флективного типа, к которым принадлежит, например, русский. Эта меньшая теснота связи, большая самостоятельность отдельных морфем в слове проявляется в следующем. Во-первых, все морфемы, как корневые, так и аффиксальные, выступают, если не считать изменений, обусловленных чисто фонетическими условиями, в одном и том же виде, т. е. в агглютинативных языках нет того явления, которое принято называть внутренней флексией или чередованием гласных и согласных (об этом явлении см. подробнее ниже). В агглютинативных языках морфемы могут подвергаться изменениям, но эти изменения зависят лишь от фонетических условий. Так, например, в некоторых агглютинативных языках (например, в тюркских, в некоторых угрофинских) наблюдаются так называемые явления сингармонизма, состоящие в том, что все гласные в слове должны принадлежать или к переднему или к заднему ряду. В таких языках окончания могут иметь двоякую форму — с задним или с передним гласным в зависимости от того, какие гласные, задние или передние, имеются в основе слова. Ср., например,

татарское *кул-лар* — «ру́ки» (им. п. мн. ч.), *бй-ләр* — «домá». Но в данном случае различие в форме одного и того же аффикса-окончания зависит от чисто фонетических причин.

Во-вторых, аффиксы, выражающие различные грамматические значения, в агглютинативных языках находятся в однозначном соответствии с их значением, т. е., с одной стороны, каждый аффикс выражает одновременно лишь одно грамматическое значение, а с другой стороны, каждое грамматическое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом, в составе какого бы слова он ни выступал. Поясним на примерах. В русском языке в форме *рука* окончание *-а* выражает одновременно и им. п. и ед. ч., в форме *ру́ки* *-и* одновременно выражает и им. п. и мн. ч., в форме *в руке* *-е* — и ед. ч. и предл. пад., в форме *в руках* *-ах* — и мн. ч. и предл. пад. Иначе, например, в татарском языке: в форме *кул* им. п. и ед. ч. выражаются нулевым аффиксом, в форме *кул-лар* — «ру́ки» аффикс *-лар* выражает только множественное число, но не им. пад. (им. пад., как и для ед. ч., выражается нулевым аффиксом); в форме *кул-да* аффикс *-да* выражает только местный падеж, но не единственное число, которое, как и в им. пад., выражается нулевым аффиксом; местный же падеж множественного числа имеет форму *кул-лар-да*, в состав которой входят аффикс *-лар* (тот же самый, что и для именит. и для любого другого падежа) и аффикс *-да* (тот же самый, что и для местн. пад. ед. ч.), т. е. *-лар* выражает только мн. ч., но не падеж, *-да* выражает только местн. пад., но не какое бы то ни было число. Ср. также коми-пермяцкое (коми-зырянский и коми-пермяцкий языки принадлежат к угро-финской семье языков) *ки* — «рука», *ки-ын* — «в руке», *ки-эз* — «руки», *ки-эз-ын* — «в руках». В русском языке один и тот же падеж одного и того же числа может быть выражен различными окончаниями для разных слов, ср., например, *в стол-е*, но *в степ-и* (этим и объясняется существование в русском языке нескольких, и именно в основном трех, склонений). В агглютинативных языках, если какое-нибудь грамматическое значение выражается каким-нибудь аффиксом (напр., аффикс местного падежа *-да* в татарском языке, *-ын* в коми), то оно всегда выражается этим аффиксом, с каким бы словом он ни сочетался. Иными словами, нет различных склонений и спряжений, но есть единое склонение и единое спряжение. Все это говорит о большей самостоятельности аффиксов по отношению к слову в агглютинативных языках сравнительно с языками такого типа, как русский.

Третьей особенностью агглютинативных языков является меньшая теснота спайки морфем в слове между собой. Эта меньшая теснота спайки характеризуется даже фонетически. Несмотря на возможность в известных случаях ассимилятив-

ных процессов, там всегда возможно провести строгую границу между морфемами. Там не бывает такого тесного слияния, которое мы наблюдаем, например, в русском языке — ср. *детский*, фонетически *дѣцкѣй*, где *ц < тс* совмещает конец корня и начало суффикса.

Свободное (не тесное) соединение морфем, характерное для агглютинативных языков, в языкознании принято называть агглютинацией, т. е. «склеиванием». Как увидим дальше, оно возможно не только в агглютинативных языках, но в последних оно является основным способом сочетания морфем в слове, в языках же флективных оно наблюдается лишь в некоторых случаях.

Аффиксы в агглютинативных языках могут примыкать к корню с различных сторон, т. е. выступать в форме как суффиксов, так и префиксов, но в каждом данном языке мы наблюдаем или явное преобладание или даже исключительное использование чего-то одного. Так, например, в тюркских и угро-финских языках мы находим исключительно суффиксы, напротив, в языках банту (Южная Африка) почти исключительно префиксы (впрочем, там в небольшом количестве возможны и суффиксы).

В результате того, что в агглютинативных языках каждый аффикс выражает какое-то одно значение, слова в этих языках, состоящие из корня и целого ряда наслаивающихся друг на друга аффиксов, расположенных обычно по одну сторону корня, часто достигают значительной длины. В качестве примера можно привести глагольную форму из языка суахили (банту) *wa-ta-si-po-ku-ja*, имеющую значение «если они не придут» (отрицательное будущее условное, 3 л. мн. ч.). В этой форме, поскольку грамматические значения в банту выражаются обычно префиксами, корень глагола «приходить» представляет собой лишь последний слог *-ja*. Остальные слоги представляют собой префиксы, которые передают *wa-* 3 л. мн. ч. (только если действующее лицо — люди), *-ta-* будущее время (этот префикс передает будущее время и не в условном значении), *-si-* отрицание, *-po-* условность, *-ku-* просто показывает, что данное слово является глаголом.

Поскольку части речи представляют собой грамматические классы слов, характеризующиеся каждый определенными грамматическими категориями, выраженными в структуре слова, постольку агглютинативные языки, располагая изменяемыми словами, могут иметь части речи. Но не все агглютинативные языки по существу их имеют. В некоторых языках, несмотря на наличие форм словоизменения, части речи не разграничены, одно и то же слово может и склоняться, как имя, и

спрягаться, как глагол. Так обстоит дело, например, в ненецком языке.

Флективный тип характеризуется возможностью изменения звукового (точнее — фонемного) состава морфем, не зависящего от фонетических условий и служащего для образования новых слов и различных форм данного слова, т. е. так называемой внутренней флексией или чередованием гласных или согласных; возможным отсутствием однозначного соответствия между аффиксом и выражаемым им грамматическим значением; тесной спайкой морфем в слове.

Внутренняя флексия или чередования, имеющие грамматическое значение, используются, хотя и в разной степени, в различных флективных языках. Ср., например, русское *избега́ть* (несоверш. вид) — *избежа́ть* (соверш. вид) — корневая морфема выступает в форме *бег* — *беж*, т. е. характеризуется чередованием согласных *г* — *ж*; *ломит* — *разла́мывает* — корневая морфема выступает в форме *лом* — *лам*, т. е. характеризуется чередованием гласных *о* — *а*; англ. *foot* — «нога» — *feet* — «но́ги» (корневая морфема характеризуется чередованием *и* — *і*); греч. *φέρω* — «несу» (движение линейное, направленное) — *φορέω* — «ношу» (движение повторяемое, разнонаправленное) — корневая морфема характеризуется чередованием гласных *е* — *о*; арабск. *balad* — «местность» — мн. ч. *bilad*, *gild* — «кожа» — мн. ч. *gulud*. В одних языках внутренняя флексия или чередование обычно сопровождается и различием в аффиксах, как в русском языке, в других может служить и единственным средством передачи различных грамматических значений, различных форм словоизменения и словообразования, как в английском и арабском.

Каждый аффикс может быть носителем одновременно нескольких значений. Так, например, в русской форме *ру́ки* (им. п. мн. ч.) окончание *-и* обозначает одновременно и множественное число и именительный падеж, точно так же *-а* в форме *дома́* (им. п. мн. ч.). Так же в латинской форме *lupum* или греческой *λύκον* окончания *-m*, *-v* выражают одновременно и вин. п. и ед. ч. и т. д. (С другой стороны, одно и то же грамматическое значение в различных словах может быть выражено по-разному, различными аффиксами, а также и другими средствами (чередованием). Ср. русское *в рук-е* — *в степ-и*, лат. *lupi* (род. п. от *lupus*), *rosae* (род. п. от *rosa*), *leonis* (род. п. от *leo*) и т. д.) На последней особенности флективных языков основано наличие в них (в отличие от агглютинативных языков) нескольких склонений и спряжений. Количество тех и других может варьировать в разных языках, а также в одном и том же языке в различные периоды его истории. Так, в современном русском языке, если не считать единичные остатки исчез-

нувших склонений, имеется три различных склонения, в древнерусском языке было пять, а, возможно, и шесть различных типов, в греческом три склонения, в латинском пять и т. д.; в современном русском языке два спряжения, в латинском четыре и т. д.

Морфемы во флективных языках спаяны в слове теснее, чем в агглютинативных. Об этой большей тесноте спайки их свидетельствует уже рассмотренная выше особенность, а именно употребление различных морфем, служащих для выражения одного и того же грамматического значения. Теснота эта выражается и в фонетически более тесном сочетании морфем: в большей степени осуществляются различные фонетические процессы на стыке морфем сравнительно с агглютинативными языками (см. об этом выше). Эта более тесная спайка морфем в слове носит название *фузия* (от лат. *fusio* — «разлитие»). Термин этот введен был Э. Сепиром, который даже предлагал языки, характеризующиеся такой спайкой, называть не флективными, а *фузионными*. Впрочем, этот последний термин в языкознании не утвердился.

Аффиксы во флективных языках могут занимать (в одних и тех же языках) различное положение по отношению к корню, т. е. они могут быть представлены и суффиксами (или окончаниями), и префиксами, и (реже и не повсюду) инфиксами, т. е. аффиксами, стоящими внутри корня. Ср. русское *пис-а-ть*, *пиш-у*, *напис-а-ть*, лат. *ven-i-o*, *in-ven-i-o*; лат. *vic-tor* — «победитель», *vic-tor-ia* — «победа», *vi[n]c-o* — «побеждаю».

К флективным языкам относятся индоевропейские, семитские, хамитские языки.

Флективные языки, как уже сказано, подразделяются на синтетические и аналитические (т. е. флективно-синтетические и флективно-аналитические).

Особенностью синтетических языков, т. е. «объединяющих» (от греч. *σύνθεσις* — «соединение», «объединение»), является выражение отношений между словами посредством форм самих слов. Эти языки характеризуются наличием падежей (поскольку падежи представляют собой формы, служащие для выражения отношений между словами в предложении, точнее в словосочетании, входящем в состав предложения). Особенностью аналитических языков, т. е. «разъединяющих», «разлагающих» (от греч. *ἀνάλυσις* — «разложение», «разъединение»), является выражение отношений между словами в предложении, точнее в словосочетании, не посредством форм слов, а посредством служебных слов (предлогов) и порядка слов. В аналитических языках совсем нет падежей или же имеются лишь небольшие следы их. Ср. русск. *книга Петра*, лат. *liber Petr-i* (языки синтетические) и франц. *le livre de*

Pierre (язык аналитический). К флективно-синтетическим языкам относятся, например, древнеписьменные индоевропейские языки — санскрит, греческий, латинский, старославянский и др., а также часть современных индоевропейских языков — в частности, большинство славянских языков, в том числе и русский. К флективно-аналитическим языкам относится значительная часть современных индоевропейских языков; например, романские (французский, итальянский и др.), английский, из славянских — болгарский.

Следует иметь в виду, что аналитический строй больше распространяется на имя, вследствие чего, как уже было сказано, в аналитических языках или совсем нет, или почти нет падежей. В глаголе также возможны аналитические формы, т. е. формы, выражающие грамматические значения посредством сочетания (в данном случае глагола, имеющего определенное лексическое значение, с формой вспомогательного глагола, играющей роль служебного слова); ср., например, франц. *je suis venu* — «я пришел», англ. *I am sitting* — «я сижу» (в данный момент). Но в глагольной системе и в языках аналитических наряду с такими аналитическими формами имеется обычно большое количество синтетических форм, выражающих различные категории, свойственные глаголу (время, наклонение и т. д.).

Подразделение языков на синтетические и аналитические некоторые лингвисты рассматривают как подразделение, основанное не на морфологическом, а на синтаксическом признаке, и как подразделение, перекрещивающееся с подразделением языков по морфологическому признаку на аморфные, агглютинативные и флективные. Эти лингвисты считают также, что подразделение на синтетические и аналитические языки должно быть применено также и к агглютинативным языкам. Деление на синтетические и аналитические языки действительно основано на синтаксическом признаке, но, как уже было сказано, оно проявляется очень отчетливо и в морфологической структуре языка, вследствие чего его существенно принять во внимание и при морфологической классификации языков. Что же касается до применения этого подразделения также к агглютинативным языкам, то здесь дело обстоит сложнее. В некоторых агглютинативных языках мы наблюдаем большое количество падежей — например, в финском 15, в коми-зырянском 16, в коми-пермяцком 17. В других агглютинативных языках падежей значительно меньше, так, например, в татарском языке всего 6 падежей. В третьих — падежей вообще нет, хотя глагол представлен весьма сложными и многообразными формами. Так, нет падежей в меланезийских языках, нет их по существу и в банту (в некоторых языках банту, например, в суахили, выделяется только особый местный падеж, и то недавнего проис-

хождения). Агглютинативные языки, характеризующиеся большим количеством падежей, как будто есть основания назвать синтетическими, языки же, характеризующиеся отсутствием падежей или небольшим количеством их, — аналитическими. И в некоторых случаях (т. е. применительно к некоторым языкам) мы бесспорно можем это сделать.

Но сложность состоит в том, что в агглютинативных языках не определяется с такой четкостью граница слова, с какой это можно сделать для флективных языков, и мы не всегда можем установить, выражаются ли отношения между словами посредством падежной формы, или же посредством служебного слова. Во флективных языках служебными словами являются обычно предлоги, т. е. слова, стоящие перед тем самостоятельным словом, к которому они относятся. Отличить предлог от падежного окончания легко, во-первых, потому, что падежное окончание примыкает к концу основы имени, а предлог стоит впереди, во-вторых, потому, что окончание неразрывно связано с тем словом, в состав которого оно входит, предлог же может быть отделен от слова, к которому относится, другими словами. Ср. в русском языке: *в доме* — *в большом доме*. В большей части агглютинативных языков падежи характеризуются окончаниями, в качестве же служебных слов, выражающих отношения между словами, употребляются не предлоги, а *п о с л е л о г и*, т. е. слова, стоящие после тех самостоятельных слов, к которым они относятся. Эти послелоговые сочетания обычно не с косвенным падежом имени, как наши предлоги, а с формой имени, характеризующейся нулевым окончанием и тождественной именительному падежу. Ср., например, в коми языке *туй выльот* — «по дороге» (*туй* — «дорога»). Послелоговые сочетания и в флективных языках, но очень редко и сочетаются, как и предлоги, с косвенными падежами (ср. лат. *tecum* — «со мной», др.-перс. *avahya radiy* — «ради того», др.-русск. *чего ради* — в современном языке чаще *ради чего*). Отделить послелог от самостоятельного слова, к которому он относится, невозможно, так как прилагательное, при помощи которого это можно было бы сделать, стоит по нормам порядка слов соответствующих языков не после существительного, а перед ним. Кроме того, вследствие более свободной связи морфем в слове, в случае нахождения рядом нескольких существительных, являющихся однородными членами, падежное окончание может стоять лишь у последнего существительного, относясь ко всей группе (подобно тому как у нас предлог может относиться к группе однородных членов; ср., например, *в городе и деревне*). Вследствие этого провести строгое разграничение между падежным окончанием и послелогом в некоторых случаях не только трудно, но и просто невозможно. В некото-

рых языках, правда, может быть использован фонетический критерий: правила сингармонизма (см. выше) распространяются на падежные окончания, но не распространяются на послелого. Это указывает на то, что падежное окончание является частью слова, а послелог отдельным словом. Но сингармонизм распространен далеко не во всех агглютинативных языках. В частности, его нет в большей части финно-угорских языков. Вследствие такой невозможности строго разграничить падежные окончания и послелого для некоторых агглютинативных языков различные исследователи даже по-разному определяли число падежей.

На основании сказанного ясно, что в ряде случаев для агглютинативных языков не может быть проведено строгого разграничения на синтетические и аналитические. Вследствие такой слабой отграниченности слова некоторые лингвисты (например, Мистели) даже называли агглютинативные языки «мнимословными» (*scheinwortig*).

К языкам изолирующим или аморфным подразделение на синтетические и аналитические неприменимо, потому что в них формы слов не используются для выражения отношений между словами, и, следовательно, все такие языки с этой точки зрения являются аналитическими.

Четвертым основным типом языков является полисинтетический, или инкорпорирующий. Термин полисинтетический обозначает собственно «многообъединяющий» и происходит от греч. πολυ — «много» + σύνθεσις — «соединение», «объединение». Особенностью этого типа является то, что различные объекты действия (прямой, косвенный) и обстоятельства, в которых действие совершается (пространственные, временные, причинные и пр.), выражаются не особыми членами предложения (дополнениями, обстоятельствами), как, например, в русском языке, а различными аффиксами, входящими в состав глагольной формы, выражающей сказуемое. Иногда в состав глагольного сказуемого включается и подлежащее. Так, например, на языке чинук (североамериканский индейский язык в штате Орегон) нашему предложению «Я пришел, чтобы отдать ей это» соответствует одно слово *i-n-i-á-l-u-d-am*, где корень глагола *давать* представлен лишь одним согласным *d*, префикс *-i-* (в начале) выражает только что прошедшее время, *-n-* обозначает 1-е л. ед. ч., второе *-i-* — местоименный объект («это»), *-a-* — второй местоименный объект — «ее» (в языке чинук различается грамматический род), *-l-* — аффикс, указывающий на то, что предшествующий местоименный объект является не прямым, а косвенным (т. е. не «ее», а «ей»), *-u-* — указывает на то, что действие направлено прочь от говорящего (т. е. что он кому-то что-то отдает, а не берет что-то от кого-то),

суффикс *-at* выражает добавочное понятие движения с какой-то целью, т. е. показывает, что говорящий не просто отдает что-то, но что он перед этим пришел с этой целью.

В данном примере в состав глагольной формы включаются лишь местоименные объекты. Но в части полисинтетических языков в состав глагольной формы включаются и существительные, которые в данном случае подвергаются усечению (сокращению), т. е. выступают в иной форме, чем употребленные самостоятельно. Ср., например, такое предложение на луораветланском (чукотском) языке, как *т-ы-к,аа-нмы-ркын* — «я убиваю оленя», где *нмы* представляет собой корень глагола «убивать», *-ркын* — суффикс настоящего времени, *т-* — префикс 1 л. ед. ч., *к,аа-* — сокращенную (усеченную) форму существительного *к,оран(г)ы* — «олень», а *-ы-* — фонетически развивающийся тематический гласный, соединяющий различные значимые части слова.

В языке нутка (североамериканский индейский язык в Британской Колумбии) нашему предложению «Несколько маленьких огней горели в доме» соответствует одно слово *inikwihl'minih'isita*, где *inikw* обозначает «огонь» и «гореть», *ihl'* — «дом» (полная форма *ihlu*), *minih'* — множ. число, *-is-* — аффикс уменьшительности, *-it-* — аффикс прошедшего времени, *-a* — аффикс изъявительного наклонения. Здесь, как видим, и то, что соответствует нашему подлежащему, включается в состав глагольной формы.

В тех полисинтетических языках, где в состав глагольной формы включаются (или, как принято говорить, «инкорпорированы») не только местоимения, но и имена, последние имеют две формы — самостоятельную и «инкорпорированную», т. е. включенную в глагол. Инкорпорированная форма иногда представляет собой лишь незначительное сокращение (усечение) самостоятельной, а иногда имеет совершенно своеобразный облик. Так, например, в языке сишиатль (североамериканский индейский язык в Британской Колумбии) слово *дом* имеет самостоятельную форму *tlumstan*, а инкорпорированную *-X^w-*.

Вследствие того, что в полисинтетических языках нашему предложению часто соответствует одно слово, в прошлом некоторые лингвисты считали, что в этих языках вообще нет отдельных слов, а есть лишь слова-предложения. Это неверно. В любом полисинтетическом языке параллельно существуют самостоятельные и инкорпорированные формы, и одни и те же отношения могут быть переданы как посредством сложной глагольной формы, так и посредством зависящих от глагола самостоятельных членов предложения.

Лингвисты, считающие, что подразделение на языки синте-

тические и аналитические представляет собой подразделение, основанное на синтаксическом принципе и перекрещивающееся с делением по морфологическим признакам, относят и полисинтетические языки к этому делению по синтаксическому принципу и считают, что полисинтетические языки должны быть как-то определены и с точки зрения морфологического подразделения. Действительно, определяя полисинтетический тип, мы опираемся в первую очередь на синтаксические признаки. Но тип, который мы таким образом определяем, характеризуется и весьма своеобразной морфологической структурой, вследствие чего по праву занимает определенное место в морфологической классификации языков. Что касается характера структуры морфем и объединения их в слове, то полисинтетические языки по одним признакам сближаются с агглютинативными, а по другим с флективными языками. Морфемы в этих языках обычно объединяются в слове по принципу агглютинации. Это роднит полисинтетические языки с агглютинативными. Но в то же время в полисинтетических языках имеет место внутренняя флексия (т. е. чередования гласных и согласных), что сближает их с флективными языками.

Таковы основные типы языков, какие можно установить на основании анализа их морфологической структуры. Как уже было сказано, невозможно построить такую классификацию языков по их морфологическому типу, в которую целиком уложилось бы все живое многообразие языков мира, из которых каждый, можно сказать, обладает своей неповторимой во всех деталях структурой. Установленные выше типы представляют собой как бы некоторые идеальные типы. Далеко не все языки удовлетворяют целиком тем признакам, которые характеризуют какой бы то ни было из этих типов. Многие языки занимают промежуточное положение между различными типами. Мы относим языки к тому или иному типу на основании господствующих, наиболее характерных признаков, но очень часто в языке, отнесенном к какому-либо из этих типов, обнаруживаются и черты, роднящие его с каким-либо другим типом.

Китайский язык, не только древний, классический, но и современный, обнаруживают многие черты, характерные для аморфного типа. Но современный китайский язык, как уже было сказано, никоим образом нельзя назвать аморфным, мы найдем в нем много таких признаков, которые сближают его с агглютинативными языками.

Характерной особенностью агглютинативных языков является, как уже было сказано, неизменяемость (если не считать изменений чисто фонетических) морфемы, отсутствие так называемой внутренней флексии или чередований гласных и согласных, имеющих грамматическое значение. Но в некоторых

агглютинативных языках мы встречаем такие чередования. Правда, они не играют здесь той большой роли, которую играют они в языках флективных. Так, например, в финском языке (а также в других языках прибалтийской группы финно-угорской семьи) мы наблюдаем так называемое «чередование ступеней». Ср. финск. *kukka* — «цветок» — род. п. ед. ч. *kukan*, т. е. в корне наблюдается чередование согласных *kk* — *k*. В коми-пермяцком языке множественное число существительных, основа которых оканчивается на согласные, характеризуется, помимо суффикса множественного числа, удвоением конечного согласного основы. Ср. *шыр* — «мышь» — *шыррэз* — «мыши», *бойец* — «боец» (заимствованное из русского языка) — *бойеццэз* — «бойцы». Исторически показатель множественного числа *-эз* произошел из *-йэз*, но утрата *j* и удвоение согласного фонетически объясняется лишь в случае мягкого согласного (напр., *кань* — «кошка», *каннез* — «кошки»), но не твердого.

Языки банту по своей структуре относятся в целом к агглютинативным языкам. Но существительные там распадаются на большое количество различных классов (это количество варьирует по отдельным языкам), причем эти различные классы характеризуются разными префиксами (в том числе и нулевым) как в единственном, так и во множественном числе, а также различием в согласовании слов, зависящих от существительного в предложении. Ср., например: *m-tu* — «человек» — *wa-tu* — «люди», *m-safara* — «караван» — *mi-safara* — «караваны», *ki-ti* — «вещь» — *vi-ti* — «вещи», *kasha* — «ящик» — *ma-kascha* — «ящики» и т. д. Это скорее напоминает многотипность склонения и многотипность образования множественного числа во флективных языках (ср. русск. *отцы, дома, сыновья*).

К языкам флективного типа относятся, как уже было сказано, языки индоевропейские, семитские и хамитские. Но в полном смысле слова флективными языками являются лишь индоевропейские. Языки семитские и хамитские характеризуются такими особенностями, которые отчасти напоминают агглютинативные языки, вследствие чего акад. Ф. Ф. Фортунатов и считал возможным установить особый промежуточный флективно-агглютинативный тип. В этих языках широко развита внутренняя флексия, причем формальную роль (словообразовательную и словоизменительную) играют гласные, согласные же (обычно в количестве трех) представляют корень, который и образует как бы костяк слова. Ср. арабск. *kataba* — «он пишет», *kàtib* — «писец», *kitàb* — «книга» (т. е. «то, что написано»), корень — *k-t-b*; *gild* — «кожа», мн. ч. — *gulud*, корень — *g-l-d*; *ragil* — «человек», *rigai* — «люди», корень — *r-g-l* и т. д. Ср. также в языке шилх (хамитский язык в Северной

Африке) *izbil* — «волос», *izbel* — «волосы», корень — *z-b-l*. Это сочетание трех согласных выступает в неизменном виде, подобно неизменяемой корневой морфеме агглютинативных языков. Впрочем, в семитских и хамитских языках, помимо внутренней флексии, используются и аффиксы.

В языках собственно флективных мы находим некоторые черты, роднящие их с агглютинативными. Так, например, в русском языке приставки сочетаются с глагольной основой скорее таким образом, как сочетаются морфемы в агглютинативных языках. Об этом свидетельствует менее тесное, чем обычно, сочетание морфем в фонетическом отношении (ср. *детский*, где $tc < ц$, *отсечь* — *отскочить*, где *tc* не дает этого изменения). Об этом свидетельствует и возможность последовательного наслаивания друг на друга различных приставок при сохранении каждой приставкой своего значения (ср. *по-на-тужился*, *по-вытолкал* и т. д.).

Некоторые черты, характерные для полисинтетического строя, мы находим в таких языках, которые в целом не являются полисинтетическими. Так, некоторые элементы полисинтетизма мы находим во французском языке, который в целом является языком флективно-аналитическим. Во французском языке местоименные показатели, обозначающие объект (прямой или косвенный), по существу вклиниваются в состав глагольной формы. Ср. *je-te-le-donne* — «я тебе это даю». Правда, пишутся все эти местоименные показатели (включая местоименный показатель 1 л. ед. ч., обозначающий действующее лицо) отдельно, но это условность орфографии. Местоимение в форме *je* возможно только в сочетании с глагольной формой, оно является по существу глагольным префиксом (самостоятельно употребленное местоимение имеет форму *moi*). Поэтому и вставляемые между ним и глагольной основой формы *te*, *le* являются по существу частями глагольной формы.

Известные элементы полисинтетизма мы находим и в языках банту, которые в целом являются агглютинативными. Там тоже возможно включение местоименных показателей, обозначающих объекты различного характера, в глагольную форму. Ср., например, в суахили: *ni-na-mw-ona* — «я его вижу» (*ni* — показатель 1 л. ед. ч., *-na-* — префикс настоящего времени, *-mw-* — местоименно-объектный показатель класса людей, *-ona* — «видеть»).

Как уже было сказано, флективные языки подразделяются на флективно-синтетические и флективно-аналитические. Но в одном и том же языке могут быть представлены как синтетические, так и аналитические средства выражения отношений между словами (ср., например, русский язык, где эти отношения выражаются как падежами, так и предлогами). Мы отно-

сим язык к синтетическому или к аналитическому типу на основании преобладания в нем тех или иных средств, которые в разных языках могут находиться в весьма различных отношениях. Так, например, санскрит был почти исключительно синтетическим языком. В современном русском языке синтетические элементы преобладают, хотя довольно широко представлены и аналитические, мы его относим к синтетическим языкам. В немецком языке меньше падежей, чем в русском, шире употребляются предлоги, но в целом всё же синтетические элементы налицо. Болгарский язык мы относим к аналитическим, но в нем в небольшом объеме представлены и падежи. Чисто аналитическими языками являются такие, как французский и английский, хотя некоторые следы падежей имеются и там) (в местоимениях, а в английском языке кроме того в так называемом «саксонском» родительном падеже, выраженном окончанием -s).

Являются ли установленные выше типы раз навсегда данными и неизменными? Входит ли какой бы то ни было язык на протяжении всего времени своего существования в один и тот же тип или в процессе исторического развития языка возможен переход его из одного типа в другой?

Идея, согласно которой различные типы грамматического строя представляют собой различные этапы развития языка, была выдвинута еще в начале XIX века, вскоре после установления (в первоначальном виде) морфологической классификации языков. Фр. Шлегель, которому принадлежал первый опыт этой классификации, еще считал, что флективные языки отделены от нефлективных исконной непроходимой гранью. Но уже Гумбольдт, стремившийся понять развитие языка как отражение развития народного духа, в соответствии с общей концепцией развития, характерной для немецкой идеалистической философии того времени, подошел к основным типам грамматического строя языка как к различным этапам единого развития. При этом, по Гумбольдту, наиболее ранний этап развития представляет собой изолирующий тип, следующий — агглютинирующий и наиболее высший этап, который в дальнейшем не был превзойден, — флективный, наиболее яркими представителями которого являются древнеписьменные индоевропейские языки, в первую очередь санскрит. Не вполне ясно, какое место в общем ходе развития занимают инкорпорирующие (полисинтетические) языки.

А. Шлейхер, исходя также из идей немецкой идеалистической философии, а с другой стороны, теории Дарвина о развитии биологических видов, в более полном и последовательном виде представил ту же последовательность развития грамматического строя языка, какую мы находим у Гумбольдта.

Инкорпорирующие языки, как уже было сказано выше, Шлейхером были исключены из классификации, а для языков, принадлежащих к остальным трем типам, он указывает в своей схеме определенное место в общем развитии языка. При этом языки изолирующего строя он относит к «архаическим видам», языки агглютинирующие — к «переходным видам», а языки флективные — к «наиболее развитым видам». Все этапы развития, согласно Шлейхеру, прошли лишь относящиеся к флективному типу семитские и индоевропейские языки, остальные же языки застыли на более ранней ступени. Вместе с тем характерным для Шлейхера является положение, истоки которого мы, впрочем, также находим у Гумбольдта, о двух основных периодах в жизни языка — доисторическом, творческом, когда собственно и осуществляется развитие, и историческом, когда язык подвергается разложению. Высшую точку развития образуют древнеписьменные индоевропейские языки, в первую очередь санскрит, который Шлейхер считает «розой среди языков» (для Шлейхера, который был не только лингвистом, но и ботаником, вообще характерно сравнение языков с растениями). Древность санскрита в языкознании первой половины XIX в. вообще переоценивалась. В исторический период новые языковые формы не создаются. Новые индоевропейские языки, характеризующиеся переходом к аналитическому строю, по Шлейхеру, представляют выветривание и стирание форм и знаменуют собой период упадка. В концепции Шлейхера нашла себе яркое отражение гегелевская концепция триединого развития.

Последующее языкознание признало упрощенной, схематичной и не опирающейся на достаточно веские основания ту теорию развития грамматического строя языка, какую мы находим у Гумбольдта и Шлейхера. Но она нашла себе горячую поддержку в недавние годы у представителей так называемого «нового учения о языке» — Н. Я. Марра и его учеников.

Н. Я. Марр, выдвинувший методологически порочную теорию стадийного развития языка, опирающуюся на понимание языка как надстройки, своей морфологической классификации не создал, а использовал не только классификацию Шлейхера, но и ту последовательность типов, которую предполагал Шлейхер. Новой явилась лишь попытка Н. Я. Марра истолковать эту последовательность с точки зрения зависимости развития языка как надстройки от смены общественно-экономических формаций. В своей статье «Основные проблемы и очередные задачи яфетической теории», опубликованной в 1927 г., Н. Я. Марр выдвигает ни на чем не основанное положение, что аморфный строй сложился в эпоху первобытного коммунизма, агглютинативный — в эпоху первобытного разделения труда, а

флективный — лишь в эпоху классового общества. Несостоятельность этого положения очевидна. Так, например, японский, турецкий, финский народы в течение нескольких веков являются народами классового общества, между тем японский, турецкий и финский языки представляют достаточно четко выраженный агглютинативный тип. Общеиндоевропейский язык-основа, по крайней мере в более поздние периоды своего развития, обладал ярко выраженными чертами флективного типа. Между тем сравнительный анализ словарного состава индоевропейских языков указывает на то, что классовое расслоение было пережито народами, говорящими на индоевропейских языках, уже в эпохи их отдельного существования, племя же или племена, говорившие на общеиндоевропейском языке-основе, характеризовались в общественном отношении первобытно-общинным строем.

Позднее Н. Я. Марр, отказавшись от идей языкового родства и принявший скрещение языков как основу и главную движущую силу языкового развития, пытался и различные группы и семьи родственных языков рассматривать не как группы языков, связанных общностью происхождения, а как различные стадии развития языка. В статье «Как трудно стать лингвистом-теоретиком», опубликованной в 1928 г., Н. Я. Марр попытался построить свою оригинальную «стадиальную» классификацию языков, в которой были перемешаны структурные признаки и признаки принадлежности языков к той или иной семье (отрицая языковое родство, Н. Я. Марр вместо термина «семья» употреблял термин «система»). Впрочем, в этой классификации собственно морфологические признаки отсутствовали, а также отсутствовали типы, обычно принимаемые в морфологической классификации. Однако фактически Н. Я. Марр и в более поздних работах постоянно пользовался понятиями аморфных, агглютинативных и флективных языков.

Особенностью всех построений Н. Я. Марра, роднящих их с построениями Гумбольдта и Шлейхера, является признание индоевропейских флективных языков, и именно древнеписьменных (латинского, греческого, санскрита), высшей и не превзойденной далее точкой развития грамматического строя. Новые индоевропейские языки Шлейхер, например, рассматривал как находящиеся в состоянии разложения, упадка. Н. Я. Марр же считал, что все последующее развитие индоевропейских языков (после древних классических) состоит лишь в выявлении элементов, унаследованных от далекого дофлективного прошлого. При этом многие из новых индоевропейских языков оказываются, по Марру, «типологически», — как он выражался, — более древними, чем древние индоевропейские (так, например, французский язык в типологическом отношении оказывается

более древним, чем латинский). Несостоятельность такой «теории» очевидна.

Виднейший ученик и последователь Н. Я. Марра акад. И. И. Мещанинов в своей книге «Новое учение о языке», вышедшей в 1937 г., развивая положения своего учителя, дал еще одну систему классификации, также основанную на принципе стадияльного развития языка. Различные типы языков, образующие определенную последовательность во времени, различаются в первую очередь синтаксически, по выражению субъекта, объекта и предиката предложения. Эта классификация также для нас является неприемлемой. Неприемлемым является для нас и положение, что все языки мира развиваются одним и тем же путем, причем различные грамматические типы языка представляют собой различные стадии этого развития.

Развитие языка осуществляется сложными и многообразными путями. Язык очень устойчив в своих основных элементах. В особенности устойчив, в особенности медленно развивается грамматический строй. Однако и грамматический строй претерпевает изменения, совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами. Но поскольку грамматический строй языка развивается, изменяется, целесообразно поставить вопрос, принадлежит ли каждый данный язык на протяжении всей своей доступной для нас истории всегда к одному и тому же из установленных выше основных морфологических типов или тип его на протяжении его исторического развития может меняться.

Отрицание всех изложенных выше схем по мотивам, которые также были изложены выше, не приводит нас к положению о незыблемости установленных выше морфологических типов. Факты говорят о том, что тип языка со временем может меняться. Конечно, это изменение осуществляется вовсе не так, как предполагали представители старого идеалистического языкознания, и не так, как рисовал его вульгаризатор марксизма Н. Я. Марр.

Древнеписьменные индоевропейские языки в целом характеризуются достаточно четко выраженным флективно-синтетическим типом. Но сравнительно-историческое изучение этих языков показывает, что основные признаки, характеризующие флективные языки, не являются изначальными, всегда существующими.

Так, одним из существенных признаков, характеризующих языки флективного типа, является наличие чередований звуков (точнее — фонем) в пределах морфемы, не зависящих от фонетических условий и играющих определенную роль в словообразовании и словоизменении. Сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков показывает, что в какую-то отда-

ленную эпоху развития общеиндоевропейского языка-основы чередования сложились, возникая первоначально лишь в определенных фонетических условиях и лишь затем теряя связь с этими условиями и морфологизуясь, т. е. становясь показателями определенных грамматических и словообразовательных категорий. Следовательно, когда-то общеиндоевропейский язык-основа характеризовался неизменяемостью морфемы (подобно агглютинативным языкам).

Другим признаком, характеризующим флективные языки, является возможность выражения в одном аффиксе нескольких грамматических значений. Сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков показывает, что по крайней мере в некоторых случаях, где сейчас один аффикс выражает одновременно два значения, в глубокой древности было сочетание двух аффиксов, из которых каждый выражал одно из этих значений. Так, например, вин. п. ед. ч., если он не совпадал с именительным падежом, характеризовался окончанием **-m*. Ср. лат. *rosa-m*, *lupu-m* < *lupo-m*, женя ст.-слав. < **genā-m*, влъкъ < **vŕq̑^uo-m*. Вин. п. мн. ч. оканчивался на **-ns*. Ср. лат. *rosās* < **rosūns*, *lupōs* < **lupons*, ст.-слав. жены < **ženōns* < **genāns*, влъкы < **vŕq̑^uons* (на окончание *-ns* прямо указывает готск. *vulfjans*, греч. критск. λυκωνς). Это окончание *-ns* по происхождению, повидимому, представляет собой сочетание двух окончаний, из которых первое *n*, возможно, развившееся фонетически из *m* в положении перед переднеязычным *s*, выражало винительный падеж и было тождественно *-m* в единственном числе, а *-s* являлось показателем множественности. Эти отношения, как видим, очень напоминают те, которые характерны для агглютинативных языков.

У нас нет оснований утверждать, что общеиндоевропейский язык-основа в какую-то очень древнюю эпоху своего развития был целиком подобен агглютинативным языкам. Но, во всяком случае, он когда-то не характеризовался некоторыми признаками, весьма существенными для языков флективного типа. А это говорит о том, что признаки, характеризующие основные морфологические типы языков, не являются признаками вечными, изначально присущими каждому данному языку.

Вместе с тем мы не можем считать, что какой-то из грамматических типов является идеальным, представляет собой высшую точку развития. Языки любого грамматического строя, постепенно совершенствуясь, становятся средством выражения самых тонких и сложных мыслей. Никакое развитие грамматического типа не знаменует, вместе с тем, и упадка, деградации языка. Развитие романских языков в сторону аналитического строя является столь же закономерным, как и сохранение синтетического строя большинством славянских языков, в том

числе русским. И языки флективно-аналитические вовсе не являются ни деградацией, ни каким-то более высоким этапом развития сравнительно с языками флективно-синтетическими.

Последний вопрос, который должен быть нами рассмотрен,— это вопрос об отношении морфологической классификации языков к классификации генеалогической. Речь идет о том, могут ли различные языковые семьи относиться к одному морфологическому типу и, с другой стороны, могут ли быть в пределах одной языковой семьи языки различного морфологического строя. На первый вопрос определенно следует ответить утвердительно. Об этом свидетельствуют уже приведенные выше примеры. Так, большое количество языковых семей, генетически никак не связанных между собой, относится к агглютинативному типу. На второй вопрос ответить сложнее. Изменяемость грамматического типа как будто приводит к тому, что в пределах одной языковой семьи мы можем встретить различные грамматические типы (ведь родственные языки не развиваются целиком тождественно друг другу). В пределах индоевропейских языков мы встречаем языки флективно-синтетические и флективно-аналитические. Но это лишь разновидности в пределах одного основного типа. Некоторые индоевропейские языки на протяжении своей истории приобрели некоторые особенности языков агглютинативного типа (и именно приобрели, а не унаследовали от глубокой древности, как думали Н. Я. Марр и его ученики). Так, черты, характерные для агглютинативных языков, мы наблюдаем в современных индийских языках индоевропейской семьи (например, в бенгальском). Но целиком агглютинативными эти языки считать нельзя. Что же касается до наличия в пределах одной семьи языков, принадлежащих к различным основным морфологическим типам, то пока, при тех знаниях, которыми мы располагаем, мы должны ответить на вопрос о такой возможности отрицательно. Может быть, это объясняется тем, что развитие одной языковой семьи может быть нами прослежено, хотя порой и на весьма большом, но все же ограниченном отрезке истории, а грамматический строй развивается очень медленно.

В последние годы ведется работа, ставящая целью установление генетических связей индоевропейских языков с некоторыми другими языковыми семьями, причем внимание исследователей в первую очередь привлекают связи, с одной стороны, с семитскими языками, а с другой — с угро-финскими. Если будет установлена связь индоевропейских языков с семитскими, то и здесь мы будем иметь дело в пределах этого вновь установленного обширного языкового семейства лишь в различными разновидностями одного основного типа (флективного). Если

будет установлена связь индоевропейских языков с угро-финскими, тогда действительно будет доказана возможность наличия в пределах одной языковой семьи языков различного грамматического типа. Но в настоящее время высказаться положительно в пользу наличия родства между индоевропейскими и угро-финскими языками мы не можем.

П. С. КУЗНЕЦОВ
МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ
КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

* * *

Редактор Л. А. Чешко.
Техн. редактор И. А. Моторина.

* * *

Сдано в производство 26/1 1954 г.

Подписано к печати 24/IV 1954 г.

Формат бум. 60 × 92/16.

Печ. л. 21/4. Бум. л. 11/8.

Уч.-изд. л. 2.

Тираж 15 000. Т—00798.

Издат. № 326. Заказ 286.

Издательство Московского университета

Москва, Ленинские горы.

Цена 55 коп.

* * *

Типография издательства МГУ.

Москва, Моховая, 9.

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Количество пред. выдач _____

4729-16/196
1259-2/14 98

55 коп.